

Рецензия
EDN FCJFYG
УДК 321.01:572

С. А. Мельков¹, О. Н. Забузов²

¹ Московский политехнический университет. Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет. Москва, Россия

УТОЧНЕНИЕ ПРИРОДЫ ПОЛИТИКИ ЧЕРЕЗ ИЗУЧЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА (Рецензия на книгу Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М.: АСТ: Corpus, 2025. 480 с.)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу американского приматолога и антрополога Ричарда Рэнгема «Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека». В книге осмысливается авторское видение результатов продолжающейся в научном сообществе дискуссии по вопросам: почему людям, представителям единого биологического вида, свойственны одновременно и удивительная доброта, и немислимая жестокость; как эти качества появились и закрепились в ходе эволюционной истории человечества; откуда у нас нравственные чувства, понятия о добре и зле и способствовали ли они появлению политики. Обсуждается, обречены ли мы своим эволюционным парадоксом на вечную угрозу насилия и как появились первые политические институты (смертная казнь и война); действительно ли политика, как утверждают некоторые приматологи и социобиологи, старше человечества.

Опираясь на результаты эксперимента по доместикации (одомашниванию) лисиц, проведённого в XX веке под руководством академика Д. К. Беляева, Р. Рэнгем рассматривает два типа человеческой агрессии — реактивную (природную) и проактивную (плановую, организованную), что служит основанием для вывода о двойственной природе человека. Сделаны выводы о том, что у охотников-собирателей в плейстоцене возник институт смертной казни как ограничитель реактивной агрессии внутри группы и институт войны как высшая форма проактивной агрессии вне групп. Рассматривается война как форма коалиционной проактивной агрессии. Автор книги утверждает, что люди могут долго жить без войн, несмотря на свою эволюционную склонность к ним. В рецензии особое внимание уделяется значению этих выводов для политической науки.

Ключевые слова: война, двойственная природа человека, институциональная природа политики, одомашнивание, отсутствие иерархии, политическая антропология, проактивная агрессия, реактивная агрессия, смертная казнь, усилившийся самоконтроль

Для цитирования: Мельков С. А., Забузов О. Н. Уточнение природы политики через изучение двойственной природы человека (рецензия на книгу Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М.: АСТ: Corpus, 2025. 480 с.) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 157–165. EDN FCJFYG.

Актуальность поднятой в книге Ричарда Рэнгема [1] темы для политологии¹ обусловлена недостаточной разработанностью эволюционных основ политики в рамках собственно политологии и потребностью в междисциплинарном син-

¹ Здесь и далее политическая наука и политология рассматриваются как синонимы.

© Мельков С. А., Забузов О. Н., 2026

тезе. Прежде всего, в современной политологии мало используются наработки политической антропологии, приматологии, археологии, социобиологии и генетики. По сути, период до начала неолита² (до формирования протогосударств) за редким исключением [2] остаётся вне рамок политологического анализа.

Кроме того, основной объект политологии — политика — пока мало изучен в контексте уточнения её природы. Если экономисты начинают изучение экономических институтов с появления собственности и её материальных проявлений у наших предков [3, с. 7], то для политологии, пожалуй, пока неясно: какими были первые политические институты, скорее всего, появившиеся ещё до неолита³?

В современной политологии также не в должной степени уделяется внимание изучению одомашнивания как процессу, запустившему снижение реактивной (т.е. природной) агрессии. Естественно, учёные-политологи не против междисциплинарности, а многие человеческие качества (например, щедрость во всем, что касается пищи, или сильное миролюбие к представителям своего вида), вероятно, нельзя объяснить только психологически или только социологически. Эта же мысль касается и войны, биологическую предрасположенность к которой у человека полностью объяснить пока не удаётся. Нужны, таким образом, эволюционные исследования появления первых политических институтов.

Наконец, не изучив эволюционно закреплённые модели человеческого поведения, полагаем, сегодня трудно объяснить природу такого, считающегося политическим, института, как государство. Мы не ставим под сомнение его априори политическую институциональность — это для политологов аксиоматично. Но по аналогии с экономическими исследованиями политологам нужно понять: зачем появились те или иные политические институты, а затем государства (из каких потребностей они выросли)? Почему те или иные институты (например, полуде) в современном обществе себя изжили, а некоторые (например, война или тайные общества) существуют до сих пор? Частично ответы на эти вопросы даются в рецензируемой книге Р. Рэнгема. Полагаем, прав американский антрополог Р. Лоуи: «Если верен принцип преемственности, мы должны обнаружить процессы, которые могли бы превратить первобытное сообщество в современные сложные политические структуры» [4, с. 15].

Методология исследования. Для ответа на поставленные вопросы автор книги использует собственные наблюдения, полученные во время изучения шимпанзе в Танзании и Уганде, а затем бонобо. Р. Рэнгем адаптирует под свою концепцию результаты исследований антропологов и социобиологов. Основными методами исследования стали экстраполяция, синтез, анализ вторичных данных. Такой подход позволяет связать биологические данные с социальными явлениями, что особенно важно для политической науки.

Концепция самоодомашнивания человека. Книга структурно состоит из 13 глав, однако мы сосредоточимся на тех авторских идеях, которые представляются наиболее важными и полезными для политической науки и, скорее всего, политико-управленческой практики.

² Неолит (новый каменный век) — период развития человечества, характеризующий переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). Многие исследователи склоняются к следующей периодике: 9,5–4 тыс. лет до н.э. — 3–2,2 тыс. лет до н.э.

³ Плейстоцен — эпоха четвертичного периода кайнозойской эры, предшествующая современной эпохе, голоценовой. Плейстоцен начался ориентировочно 2,5 млн лет назад и закончился около 12 тыс. лет назад.

Центральное место в концепции Рэнгема занимает гипотеза о том, что *Номо сарпиенс возник* от общего с шимпанзе и гориллами предка *в результате одомашнивания*⁴. Автор настаивает на том, что мы отличаемся практически от любого дикого животного тем, что примерно 250–300 тысяч лет назад начали одомашниваться (если точнее, то самоодомашниваться, поскольку специально никто людей не одомашнивал). В результате наши предки стали вести себя намного миролюбивее: стали добрее, благоразумнее, более склонными к кооперации по отношению к представителям своего вида [1, с. 16]. Биологически это привело к уменьшению размеров наших предков и толщины костей; их зубы стали мельче (особенно челюсти), маскулинность самцов стала слабее выраженной, уменьшился объем мозга⁵. В подтверждение своих аргументов автор в нескольких местах книги возвращается к результатам эксперимента, проводимого в СССР под руководством академика Д. К. Беляева по доместикации⁶ чёрнобурых лис [5].

В последние десятилетия учёные отмечали, что наша сегодняшняя миролюбивость возникла в ходе эволюционного отбора против реактивной (природной) агрессии, как побочный эффект отбора на повышенный самоконтроль. Точно написал американский антрополог М. Ридли: «...общество работает не потому, что мы сознательно его изобрели, а потому, что оно есть древний продукт наших эволюционировавших склонностей и заключено в самой природе человека» [6, с. 16].

Политические институты и виды агрессии. Р. Рэнгем считает, что через некоторое время сообщества одомашненных охотников-собирателей столкнулись с реальной *проблемой проявления реактивной агрессии отдельными мужчинами*⁷. «Живущие в состоянии “политической анархии” и свободные от какого-либо вмешательства со стороны государства» наши предки чётко разделяли «мир дома» и «войну вне дома», совершая налёты и уничтожая чужаков во втором случае [1, с. 31]. Автор пишет о том, что процесс одомашнивания сделал далеко не всех людей (особенно мужчин) миролюбивыми с пониженной реактивной агрессией, у некоторых *Номо сарпиенс* она проявлялась в виде насилия по отношению к соплеменникам [1, с. 46].

Идея автора книги состоит в том, что для противодействия наиболее агрессивным людям внутри группы (сообществ) охотников-собирателей постепенно начала формироваться принципиально иная агрессия, которую он назвал *проактивной*⁸. Эта «вторая» агрессия вылилась со временем в формирование у охотников-собирателей двух институтов, которые мы можем считать политическими (протополитическими). Имеются в виду смертная казнь и война. Если война ограничивала агрессию со стороны других групп охотников-собирателей, то смертная казнь была направлена против наиболее агрессивных мужчин своей группы, на ограничение их реактивной агрессии и их, по сути тиранической,

⁴ Одомашнивание в контексте книги Р. Рэнгема не равно приручению. Под одомашниванием понимается врождённая способность мирно взаимодействовать с другими людьми с низким порогом реактивной агрессии и повышенной способностью к кооперации [1, с. 248].

⁵ Тоже самое происходило в процессе одомашнивания волка и превращения его в собаку [1, с. 93].

⁶ Доместикация — одомашнивание животных, в результате чего они приобретают новые хозяйственно-полезные признаки, вырабатываются рефлексы, обеспечивающие их постоянное общение с человеком.

⁷ Реактивная агрессия — реакция на угрозу

⁸ Проактивная агрессия — спланированная и тщательно организованная коллективная мужская агрессия, которая используется, как правило, для защиты территории и ресурсов против внешних групп, либо против агрессивных мужчин своей группы.

власти. Автор книги соглашается с Ч. Дарвином в том, что именно «выбраковка внутригрупповой жестокости, отбор против эгоизма и в пользу социальной терпимости» в виде смертной казни постепенно привели к формированию общественных институтов [1, с. 176]

В книге Р. Рэнгем ставит и рассматривает *проблему тиранов* внутри групп и *появление смертной казни и войны* в связи с наличием у наших предков общественной власти⁹. Полагаем, он справедливо отмечает, что общественная власть — это сильная власть, но только внутри небольшой группы. Автор книги ссылается также на исследования К. Бема, проверившего идею Дж. Вудберна о том, что в основе эгалитаризма¹⁰ лежит устранение альфа-самцов. Он показал, что во всех т.н. «первобытных» сообществах существует универсальное социальное правило: человек не должен пытаться доминировать над другими. В то же время отдельные люди постоянно пытаются возвыситься над другими с помощью запугивания или обмана. Об этом, кстати, много написано у Э. Б. Тайлора [7]. И К. Бем сделал вывод: людей, претендующих на роль тиранов, ограничивает та или иная форма социального давления [8, с. 68], с чем Р. Рэнгем полностью согласен.

Ч. Дарвин считал, что доисторические сообщества, несмотря на все отличия от современных, всё равно могли иметь способы расправы со «злыми и неуживчивыми людьми». Излишне агрессивные мужчины всегда подвергались тем или иным наказаниям, снижавшим их репродуктивный успех, и такая «выбраковка жестокости», продолжавшаяся в течение сотен тысячелетий, могла привести к эволюционным изменениям. Существование морали, полагал Ч. Дарвин, объяснялось существованием древней системы смертной казни¹¹, которая изымала из общества эгоистичных и безнравственных людей и тем самым стимулировала отбор против эгоизма и в пользу социальной терпимости [1, с. 189–190].

Именно Ч. Дарвин выдвинул гипотезу парохияльного альтруизма¹², объясняющую причины поощрения отбором кооперации, а гипотеза смертной казни объясняет, почему снизился уровень агрессии у наших предков. Р. Рэнгем соглашается с ним лишь частично. Мысль Ч. Дарвина заключалась в том, что конфликтующие со своими соседями группы нуждаются во внутригрупповой солидарности, однако, по мнению Р. Рэнгема, Дарвин не считал эту «нужду» результатом одомашнивания [1, с. 176–177]. Поэтому он писал о двух любопытных свойствах человеческой природы (склонности к кооперации и к войне). Некоторые психологи сделали предположение, что успешная кооперация со своими и есть результат успешной войны с чужими. «Люди, воспитанные в страхе, испытывают неприязнь к авторитету и хотят бросить ему вызов, как бы открыто они не поддерживали его ценности» [9, с. 27].

⁹ У охотников-собирателей не было постоянных лидеров и жёсткой иерархии, вместо этого власть была распределена на основе эгалитаризма, где человек, проявляющий инициативу, может временно взять на себя руководство в зависимости от конкретной задачи. Социальная структура при общественной власти обычно основана на родственных связях и разделении труда, а не на формальном командовании и подчинении.

¹⁰ Эгалитаризм — концепция, основанная на идее равенства, предполагающая построение общества с равными социальными и гражданскими правами, возможностями и доступом к ресурсам для всех его членов.

¹¹ Смертная казнь, казнь — лишение жизни человека в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. В догосударственный период его место занимало, скорее всего, общественное мнение.

¹² Парохияльный альтруизм — альтруизм, направленный преимущественно на членов своей социальной группы (семьи, нации, сообщества) и сопровождающийся враждебным отношением или безразличием к представителям других групп.

Природа войны и власти. Автор книги анализирует т.н. «превосходство силы» у взрослых самцов в природе и у мужчин в человеческих сообществах. Он приходит к выводу, что в природе самцы убивают других самцов или самок только в крайних случаях, либо не своих детёнышей (инфантицид¹³). Итогом является то, что многие учёные пришли к выводу о коалиционных убийствах взрослых особей. Например, у шимпанзе довольно редко, но это характерная черта их поведения, не зависящая от человеческого вмешательства [1, с. 308]. Р. Рэнгем отмечает, что часто убийства самцов других групп шимпанзе, особенно одиночных и на своей или пограничной территории, происходят без всякого повода. У самцов есть на это силы и время. Нападающие почти ничем не рискуют, а убийство соперников приносит пользу всему сообществу [1, с. 309].

То есть, биологически человек, как и многие животные, готов убивать себе подобных. Но у большинства видов животных, пишет Р. Рэнгем, цена нападения на представителей своего вида слишком высока: в драке один на один легко можно получить тяжёлые травмы [1, с. 311]. И всего лишь у нескольких видов структура сообществ позволяет объединяться в альянсы, которые могут убивать незащищённых одиночек из других групп с минимальным риском для себя¹⁴. Однако в тех видах, где есть проактивная агрессия, она представляет собой естественное и адаптивное поведение, выгодное для убийц. Способы применения коалиционной проактивной агрессии, пишет Р. Рэнгем, у животных и человека настолько похожи, что автор книги делает вывод: в традиционных сообществах люди регулярно используют коалиционную проактивную агрессию, устраивая налёты и засады, и это поведение имеет много общих черт с межгрупповым насилием у волков и шимпанзе.

Однако, что касается внутригруппового проактивного насилия (убийства), то Р. Рэнгем выделяет несколько проблем у его организаторов: выступать ли коалицией против жертвы, или вступить в союз именно с ней? Как выбрать жертву? Как спланировать убийство? Вывод Р. Рэнгема таков: для того чтобы внутригрупповое убийство стало выгодной адаптивной стратегией, необходимы сложное планирование и развитая коммуникация [1, с. 320]. Именно этими качествами/навыками люди и отличаются от животных. Но именно они вызвали к жизни формы деспотизма (систему подчинения и государственную власть), неизвестные, например, у других приматов [1, с. 322].

Автор книги не обсуждает и не анализирует различия между властью и агрессией, но во многих местах подмечает то, что жестокость, решительная готовность применить силу, нежелание нести ответственность за своё насилие, стремление выстраивать иерархичные отношения — характерны для тех, кто имеет власть в человеческих сообществах [1, с. 325]. Поэтому Р. Рэнгем призывает не забывать о том, какой страшный потенциал несёт в себе неограниченная власть [1, с. 326].

¹³ Инфантицид — умышленное лишение жизни ребёнка. Этот термин применяется как в биологии (у хищников, чтобы стимулировать самку к повторному зачатию), так и в праве, и в социологии.

¹⁴ К примеру, П. А. Кропоткин в произведении «Взаимопомощь как фактор эволюции» пишет о законе взаимной помощи, или взаимной поддержке. Причём этот закон не распространяется на родительские чувства и родительскую заботу. Это нечто большее. Как отмечает Кропоткин: «Не любовь, и даже не симпатия (понимаемые в истинном значении этих слов), побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг, с целью защиты от нападения волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты, точно также не любовь заставляет ягнят или котят предаваться играм, и не любовь сводит вместе осенние выводки птиц, которые проводят вместе целые дни и почти всю осень; и наконец нельзя приписать ни любви, ни личной симпатии то обстоятельство, что многие тысячи косуль, разбросанных по территории, пространством равняющейся Франции, собираются в десятки отдельных стад, которые все направляются к известному пункту, с целью переплыть там реку» [10, с. 10–11].

Автор книги рассматривает войну как высшую форму **коалиционной проактивной агрессии**. Логика его такова: коалиция проактивных людей может так искусно спланировать нападение на выбранную жертву, что гарантия успеха будет стопроцентной — при минимальном риске для агрессора. Р. Рэнгем считает: дарвинизм породил идею, что война, как и любое другое поведение, может быть адаптивной. Он же отмечает, что такое публичное признание многими учёными рассматривалось как политически опасное, поскольку для ряда политиков это означает, что войны невозможно ограничивать или искоренять [1, с. 322].

Так называемые **«простые войны»** (когда нападающие или обороняющиеся никак не организованы), считает Р. Рэнгем, ведутся многими животными, а не только людьми. По этой причине люди, не уважающие государственные законы, так охотно собираются в банды и пользуются локальным дисбалансом сил для совершения убийств и других преступлений [1, с. 342]. Но вот **«комплексные войны»**¹⁵ (когда сообщества имеют политическое руководство, и участвующие в них люди делятся на два типа: 1) командиров, которые решают, что делать, и 2) солдат, которые выполняют приказы) люди, по мнению Р. Рэнгема, научились вести сравнительно недавно. По мнению автора книги, у комплексной войны есть свойства, принципиально отличающие их от простых войн. Так, в комплексной войне у солдат нет выбора, участвовать им в сражении или нет. Поэтому согласимся с Р. Рэнгемом в том, что в комплексных войнах солдат тренируют преодолевать страх [1, с. 345]. По сути, военная организация как таковая позволяет людям на войне совместно более эффективно преодолевать свой страх, и социумы нуждаются в политических институтах, позволяющих отслеживать возникновение милитаристских идеологий и случаев злоупотребления властью (как во время подготовки к войне, так и во время её ведения).

Разрешение парадокса и перспективы исследований. Итоговую главу Р. Рэнгем посвящает т. н. **«утраченному парадоксу»**, под которым понимает, что люди одновременно и **«миролюбивы от природы»**, и **«жестокости от природы»**. Эта двойственность и составляет основу парадокса, которому посвящена книга. Разрешить этот парадокс автор книги предлагает признанием, что человек по своей природе — химера в отношении агрессии. Нам свойственна низкая предрасположенность к реактивной агрессии и высокая предрасположенность к проактивной агрессии.

Подводя итоги, мы согласимся с автором в том, что «человек — химера». Эта двойственность человека в отношении агрессии сформировалась в результате одомашнивания и, особенно, с появлением и последующим усложнением речи. Политологи изучают не агрессию как таковую, но её формы, проявления и институты могут стать предметом изучения политологии. Организационно-политические формы проактивной агрессии (смертная казнь, война и др.) как у наших предков, так и сегодня, нуждаются в серьёзном изучении. Это выходит за рамки компетенции приматологии, социобиологии и биологии, но возможно в рамках политологии. Таким образом, книга Р. Рэнгема открывает для политоло-

¹⁵ По мнению автора книги, «самое раннее убедительное свидетельство комплексной войны известно из Кермец-Дере в Северном Ираке, где рядом с городскими стенами было найдено множество скелетов, наконечников стрел и тяжёлых дубинок; находки датированы примерно 10 тысячами лет» [1, с. 343].

логии новое исследовательское поле — эволюционную политическую антропологию, где биологические данные становятся источником для понимания институционального развития.

Вместе с тем, в книге Р. Рэнгема остаётся ряд вопросов, требующих дальнейшего осмысления. Мы полагаем, что политологам предстоит ещё долго разбираться в различиях между властью и агрессией. Научное осмысление этих феноменов возможно в блоке политических наук, например, в рамках научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии. Если агрессия — это только разрушение (например, в версии Б. Ч. Хана [11, с. 92–93]), то власть несёт (должна нести) в себе массу позитивного. Но что делать политологам, если прав К. Лоренц, считающий агрессию механизмом поддержания равновесия в природе [12, с. 44]? Как тогда соотносятся проактивная агрессия, анализу которой посвящена книга Р. Рэнгема, и различные виды власти в социумах? Не продуктивнее ли рассматривать агрессию как многомерный феномен, где проактивная агрессия может служить инструментом институционального строительства, а не только разрушения. Ответы на эти вопросы станут важным вектором для будущих исследований в политической антропологии.

Библиографический список

1. *Рэнгем Р.* Парадокс добродетели: Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека : пер. с англ. М. : АСТ : Corpus, 2025. 480 с.
2. Ранние формы политических систем / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. СПб : МАЭ РАН, 2012. 384 с. EDN [VGBJHP](#).
3. *Шишкина Т. М.* Экономическая антропология: История возникновения и развития. М. : АСТ, 2025. 383 с.
4. *Лоуи Р.* Происхождение государства / Пер. с англ. А. Снигирова. М. : «Дело» РАНХиГС, 2023. 128 с.
5. *Дугаткин Л., Трут Л.* Как приручить лису (и превратить в собаку): Сибирский эволюционный эксперимент. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 296 с.
6. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от борьбы за выживание — к сотрудничеству / Пер. с англ. А. Чечиной. М. : Изд-во «Э», 2016. 412 с.
7. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура : пер. с англ. М. : Политиздат, 1989. 572 с.
8. *Voehn C.* Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1999. 304 p.
9. *Стивенс Э.* Самость, которой два миллиона лет. М. : Касталия, 2021. 156 с.
10. *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Ред. журн. «Самообразование», 2011. 251 с. EDN [QXAJGZ](#).
11. *Хан Б.-Ч.* Топология насилия: Критика общества позитивности позднего модерна / Пер. с нем. С. О. Мухамеджанова. М. : АСТ, 2024. 192 с.
12. *Лоренц К.* Агрессия, или Так называемое зло / Пер. с нем. А. Федорова. М. : АСТ, 2025. 413 с.

Поступила: 24.11.2025. Доработана: 28.12.2025. Принята: 19.01.2026.

Сведения об авторах:

Мельков Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Реклама и связи с общественностью в медиакоммуникациях», Московский политехнический университет. Москва, Россия. 304304@mail.ru
Author ID РИНЦ: [381898](#)

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры информационно-аналитической деятельности, Московского государственного лингвистического университета. Москва, Россия. zabuzov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [674543](#); ORCID: [0000-0001-6032-2042](#)

S. A. Mel'kov¹, O. N. Zabuzov²¹ Moscow Polytechnic University. Moscow, Russia² Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia

CLARIFYING THE NATURE OF POLITICS THROUGH THE STUDY OF THE DUAL NATURE OF HUMANS (Book review: Wrangham R. The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution. Moscow: AST: Corpus, 2025. 480 p.)

Abstract. This article is a review of the book by American primatologist and anthropologist Richard Wrangham, *The Goodness Paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution*. In the book, the author's vision of the results of the ongoing discussion within the scientific community is reflected upon, covering the following questions: why do humans, as members of a single biological species, simultaneously exhibit both remarkable kindness and unimaginable cruelty; how did these traits emerge and become entrenched throughout the evolutionary history of humans; where human moral feelings and concepts of good and evil originate, and whether they contribute to the emergence of politics. It is discussed whether we are condemned by our evolutionary paradox to a perpetual threat of violence, and how did the first political institutions (capital punishment and war) emerge; and whether politics, as some primatologists and sociobiologists claim, older than humanity itself.

Drawing on the results of the domestication experiment with foxes conducted in the 20th century under the guidance of Academician D. K. Belyaev, R. Wrangham examines two types of human aggression — reactive (natural) and proactive (planned, organized) — which serves as the basis for the conclusion about the dual nature of humans. Conclusions are drawn that among Pleistocene hunter-gatherers, the institution of capital punishment emerged as a constraint on reactive aggression within groups, and the institution of war emerged as the highest form of proactive aggression between groups. War is examined as a form of coalitional proactive aggression. The author argues that humans can live for extended periods without war, despite their evolutionary predisposition to it. The review pays special attention to the significance of these conclusions for political science.

Keywords: war, dual nature of humans, institutional nature of politics, domestication, absence of hierarchy, political anthropology, proactive aggression, reactive aggression, capital punishment, enhanced self-control

For citation: Mel'kov S. A., Zabuzov O. N. Clarifying the nature of politics through the study of the dual nature of humans (Book review: Wrangham R. *The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Moscow: AST: Corpus, 2025. 480 p.). *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):157–165. (In Russ.).

References

1. Wrangham R. *The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Moscow: AST: Corpus; 2025. (In Russ.).
2. Popov V. A. (comp., ed.) *Early forms of political systems*. St. Petersburg: MAE RAS; 2012. (In Russ.).
3. Shishkina T. M. *Economic anthropology: The history of origin and development*. Moscow: AST; 2025. (In Russ.).
4. Lowie R. *The origin of the state*. Moscow: "Delo" RANEPА; 2023. (In Russ.).
5. Dugatkin L., Trut L. *How to tame a fox (and build a dog): Siberian Evolutionary Experiment*. Moscow: Alpina non-fiction; 2019. (In Russ.).
6. Ridley M. *The origins of virtue*. Moscow: "E" Publ.; 2016. (In Russ.).

7. Tylor E. B. Primitive Culture. Moscow: Politizdat; 1989. (In Russ.).
8. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1999.
9. Stevens A. The two-million-year-old self. Moscow: Castalia; 2021. (In Russ.).
10. Kropotkin P. A. Mutual aid as a factor of evolution. Moscow: "Samoobrazovanie"; 2011. (In Russ.).
11. Han B.-Ch. Topologie der Gewalt. Criticism of the positivity. Moscow: AST; 2024. (In Russ.).
12. Lorenz K. Das sogenannte Böse: Zur Naturgeschichte der Aggression. Moscow: AST; 2025. (In Russ.).

Received: 24.11.2025. Corrected: 28.12.2025. Accepted: 19.01.2026.

Author information:

Sergei A. Mel'kov, Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of Advertising and Public Relations in Media Communications,
Moscow Polytechnic University. Moscow, Russia. 304304@mail.ru

Oleg N. Zabuzov, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Information and Analytical Activities,
Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia. zabuzov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [674543](#); ORCID: [0000-0001-6032-2042](#)